

Социокультурная интеграция российского общества под влиянием Украинского кризиса 2013–2022 гг. и задачи политики идентичности*

Баранов А. В.

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация; baranovandrew@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель статьи — установить изменения степени интегрированности российского общества под влиянием Украинского кризиса 2013–2022 гг., аргументировать предложения по повышению эффективности политики идентичности Российской Федерации. Тема рассмотрена на федеральном и макрорегиональном (Юг России) уровнях. Методология исследования — социальный конструктивизм применительно к сферам национальной идентичности и межэтнических отношений. Методы анализа — анкетный опрос, вторичный анализ результатов социологических опросов. Результаты исследования обосновывают новое понимание социокультурной интеграции полиэтнического общества. Выявлены изменения представлений россиян в течение 2000–2021 гг. о целях общественного развития и базовых ценностях, о соотношении государства и общества, о желательных целях государственной политики идентичности. Данные изменения развиваются в направлении консервативных ценностей, признания самостоятельности российского общества от Запада, но парадоксально сочетаются с сохранением ряда либеральных ценностей и ориентаций. Установлены различия состояния идентичности между возрастными и территориальными группами российского общества. В данном контексте важны представления жителей Республики Крым и г. Севастополя, как и республик Донбасса, о своей идентичности, подтверждающие повышенный консерватизм и россияноцентричность в сравнении со столичными мегаполисами России. Украина как таковая находится на периферии геополитической картины мира россиян, вместе с тем она выступает контрастным «другим» — негативным примером последствий выбора западного пути развития. Специальная военная операция 2022 г. стала катализатором ценностных изменений, назревавших в России на протяжении длительного периода. Российская политика идентичности под влиянием Украинского кризиса 2013–2022 гг. становится в большей мере, чем раньше, нацеленной на формирование российской полиэтнической нации, укрепление и интеграцию государства, воспитание положительного восприятия истории. В то же время эти изменения недостаточно закреплены в образовательной, символической и информационной политике РФ, новые тенденции противоречат прежнему курсу на социокультурную интеграцию России в глобализируемый мир посредством вестернизации. Автор аргументирует предложения по реформированию государственной политики идентичности Российской Федерации.

Ключевые слова: российское общество, интеграция, политика идентичности, Украинский кризис

Для цитирования: Баранов А. В. Социокультурная интеграция российского общества под влиянием Украинского кризиса 2013–2022 гг. и задачи политики идентичности // Управленческое консультирование. 2023. № 1. С. 10–23.

* Статья подготовлена по итогам проведения международного Невского Форума — 2022.

Sociocultural Integration of Russian Society under the Influence of the Ukrainian Crisis of 2013–2022 and the Identity Policy's Purposes

Andrey V. Baranov

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation; baranovandrew@mail.ru

ABSTRACT

The purpose of the article is to establish changes in the degree of integration of Russian society under the influence of the Ukrainian crisis of 2013–2022, to argue proposals for improving the effectiveness of the identity policy of the Russian Federation. The topic was considered at the federal and macro-regional (South of Russia) levels. The research methodology is social constructivism in terms of the spheres of national identity and interethnic relations. Methods of analysis — questionnaire survey, secondary analysis of the results of sociological surveys. The results of the study substantiate a new understanding of the socio-cultural integration of a multi-ethnic society. Changes in the perceptions of Russians during 2000–2021 about the goals of social development and basic values, about the relationship between the state and society, about the desirable goals of the state policy of identity are revealed. These changes are developing in the direction of conservative values, recognition of the independence of Russian society from the West, but paradoxically combined with the preservation of a number of liberal values and orientations. Differences in the state of identity between the age and territorial groups of Russian society are established. In this context, the ideas of the residents of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, as well as the Republics of Donbass about their identity are important, confirming the increased conservatism and Russian-centricity in comparison with the metropolitan megacities of Russia. Ukraine as such is on the periphery of the geopolitical picture of the world of Russians, at the same time, it acts as a contrasting “Other” — a negative example of the consequences of choosing the Western path of development. The 2022 special military operation became a catalyst for value changes that have been brewing in Russia for a long period. Russian Identity Politics Influenced by the Ukrainian Crisis of 2013–2022 becomes more than before, aimed at the formation of the Russian multiethnic nation, the strengthening and integration of the state, the education of a positive perception of history. At the same time, these changes are not sufficiently fixed in the educational, symbolic and informational policy of the Russian Federation, new trends contradict the former course towards the socio-cultural integration of Russia into the globalized world through westernization. The author argues proposals for reforming the state identity policy of the Russian Federation.

Keywords: Russian society, integration, identity politics, Ukrainian crisis

For citing: Baranov A. V. Sociocultural Integration of Russian Society under the Influence of the Ukrainian Crisis of 2013–2022 and the Identity Policy's Purposes // Administrative consulting. 2023. N 1. P. 10–23.

Введение

Актуальность социокультурной интеграции России трудно переоценить. От упрочения территориальной целостности Российской Федерации и сплочения российской нации во многом зависит сейчас само существование нашего общества. Украинский кризис 2013–2022 гг. стал проверкой на прочность ценностей, интегрирующих российское общество. Во многом изменилось позиционирование России и во внутриполитической, и в международной системе координат.

Гипотеза исследования. Глобализация противоречиво влияет на современные общества, вызывая не только упрочение транснациональных политических институтов и идентичностей, но и обратный процесс — интеграцию крупных поликультурных государств. Неотъемлемым и все более важным аспектом интеграции становится социокультурное сплочение населения, что требует эффективной и по-

следовательной политики идентичности, сплочения граждан на основе базовых ценностей и символов гордости, позиционирования в глобальном мире. Автор применяет концепт «множественных современностей», лишая западные модели модернизации нормативности. Полагаем, что эффективное развитие общества возможно только на собственной ценностной основе. Важнейшие события внешней и внутренней политики, в том числе — Украинский кризис, выступают значимым фактором трансформаций российской идентичности.

Цель статьи — определить изменения степени интегрированности российского общества под влиянием Украинского кризиса 2013–2022 гг., аргументировать предложения по повышению эффективности политики идентичности Российской Федерации. Тема изучается на федеральном и макрорегиональном (Юг России) уровнях.

Теоретические основы

Тема статьи исследована в наибольшей мере в теоретическом аспекте, неравномерно. Сложившиеся дискурсы и традиции исследований темы в политической науке, социологии, культурологии, исторической науке и др. различаются в трактовке базовых понятий, а подчас приводят к противоположным выводам. Социокультурная интеграция наиболее часто интерпретируется социологами (труды Ю. Хабермаса [34], работы Л. В. Константиновой [8], А. В. Лубского и О. Ю. Посуховой [11], М. Е. Попова [19], С. Д. Савина и М. С. Касабуцкой [22]. Политологов (Д. Маккроуна и Ф. Беххофера [39], С. Ф. Хантингтона [36], В. А. Тишкова [26], В. А. Ачкасова [1], В. И. Пантина [18]) интересует нациестроительство как проявление интеграции поликультурного общества. Этносоциологи сосредотачивают внимание на соотношении национальной, этнических, конфессиональных, региональных идентичностей, на технологиях их позитивного взаимодействия в целях интеграции полиэтнического общества (Дж. Фирон и Д. Лаитин [32], Л. М. Дробижева [6], И. А. Савченко [23]). Авторы прикладных зарубежных исследований понимают социокультурную интеграцию узко — как распространение ценностей и правовых норм принимающего общества на иммигрантов. Значительное внимание уделяется политике идентичности, призванной интегрировать общество и государство на основе базового консенсуса ценностей. Упомянем теоретические работы М. Кастельса [31], Г. Я. Миненкова [14], И. С. Семененко [24]. Российская политика идентичности осмысливается в публикациях О. В. Поповой [20], М. М. Мчедловой и Д. Б. Казариновой [16], В. А. Авксентьева, Б. В. Аксюмова, В. А. Васильченко и Г. С. Денисовой [21].

Важны исследования геополитической картины мира в массовых восприятиях россиян (работы Т. В. Евгеньевой, Н. В. Смутькиной и И. А. Цымбал [7], З. В. Сикевич [25], сравнения ценностей россиян и европейцев (статья Н. С. Мاستиковой) [12].

Большинство исследований политики идентичности в контексте российской интеграции выполнено на материалах регионов. Важный материал содержат исследования интеграции Крыма в российское общество (работы Е. В. Бродовской, О. В. Ярмач, А. А. Ирхина, Л. П. Нелиной и др. [3], А. В. Баранова, М. В. Донцовой и В. А. Чигрина [2]). Но влияние Украинского кризиса на интеграцию российского общества в социокультурном аспекте изучено слабо, его специальные исследования выполнены Л. Г. Бызовым в 2015 г. [4] и З. В. Сикевич в 2017 г. [25]. Ряд аналитиков (П. Колсто [37], А. Макарычев и А. Яцук [38, с. 93–118] пристрастно оценивает российскую политику идентичности, наделяя ее чертами этнонационализма и агрессивного изоляционизма.

Материалы и методы. Методологическая основа статьи — социальный конструктивизм в трактовке П. Бергера и Т. Лукмана [29] применительно к сфере идентичности и межэтническим отношениям (работы С. Вайнера и Д. Стоуна Татума [44],

Э. Хобсбаума [35]). Учитывается соотношение интеграции как распространения общепринятых в социуме ценностей и норм, формируемых в ходе взаимодействий социальных групп, а также формирования устойчивых институтов (концептуализированное Т. Парсонсом) [40]. Уровни социокультурной интеграции оцениваются с учетом работ Дж.Х. Стюарда [43] и Дж.П. Джиллина [33]. Применена центр-периферийная концепция строения общества по Э. Шилзу, предполагающая взаимодействие ценностного «ядра» и периферии [42]. Влияние Украинского кризиса на российскую идентичность исследуется в ракурсе геополитической картины мира, позволяющей оценить место различных стран в массовых представлениях (работа П. Брюэра и др.) [30]. Статья основана на применении вторичного анализа итогов анкетных опросов, их сравнении с данными анкетного опроса, проведенного политологами Кубанского государственного университета (2018–2019 гг.) с участием автора.

Эмпирическая основа статьи включает в себя опубликованные результаты: опросов ВЦИОМ (март 2020 г., $n = 1600$ старше 18 лет, август 2021 г., $n = 1200$, погрешность до 2,5%); опроса Института этнологии и антропологии РАН (2018 г., $n = 200$, погрешность до 2%); опроса Севастопольского государственного университета (2017–2019 гг., $n = 3200$, погрешность не более 3%); опроса Кубанского государственного университета (2018–2019 гг., $n = 630$ в возрасте 16–39 лет, погрешность до 2,5%).

Социокультурная интеграция понимается как процесс создания и укрепления взаимодействий, ценностей и ориентаций социальных групп и индивидов, который направлен на «обеспечение ценностно-политической консолидации мультиэтнических и мультикультурных сообществ» (по М.Е. Попову) [19, с. 100]. Индикаторами прочной социокультурной интеграции выступают: высокий уровень одобрения базовых ценностей и конвенциональных норм поведения; доверие основным политическим институтам; высокая степень признания себя в первую очередь гражданами государства; позитивное восприятие поликультурности; низкие межэтнические и межконфессиональные дистанции; позитивная историческая память и массово одобряемый проект будущего. Эти индикаторы проявляются в неравной степени, и взаимосвязи между ними нелинейны. Социокультурная интеграция значительно шире по содержанию, чем адаптация и интеграция иммигрантов в принимающее общество.

Результаты

Ключевой вопрос — вокруг каких ценностей готово интегрироваться российское общество, совпадает ли запрос органов власти и народа на интеграцию? Эмпирические данные подтверждают, что общественный запрос на интеграцию сочетает в себе, прежде всего, консервативные и социалистические ориентации. Поддержка сильного государства, обеспечивающего мир и равноправие народов, самостоятельного развития России в современном мире, не означает этнического доминирования. Устойчивый тренд усиления таких ценностей отмечался М.К. Горшковым еще во второй половине 2000-х годов [5, с. 15]. Как полагала Н.С. Мاستикова в 2013 г. на основе Европейского социального исследования, 7 из 11 базовых ценностей россиян качественно отличаются от европейских, что она объясняла повышенным неравенством доходов и низким доверием демократическим институтам [12, с. 149–155]. Полагаем, что различия объясняются прежде всего цивилизационной разнородностью России и Запада. Л.Г. Бызов по итогам исследования Института социологии РАН (2014 г.) признал наличие в России устойчивого консервативного большинства (65–70%) — сторонников сильного централизованного государства, самостоятельного пути развития, традиционализма [4, с. 65–67]. Анкетный опрос, проведенный службой

«ВЦИОМ-Спутник» в январе-феврале 2022 г. посредством телефонного интервью (стратифицированная случайная выборка 1500 чел., погрешность не более 2,5%), подтвердил укрепление этих тенденций. Мнение о том, что обязанность государства — заботиться обо всех гражданах и оказывать им поддержку, поддержали 96% респондентов (различия между сторонниками партий небольшие)¹. Абсолютное большинство опрошенных (83%) также полагают: курс государства прежде всего должен предусматривать сохранение и укрепление традиционных ценностей. Повышенную поддержку такого мнения выразили сторонники партий «Единая Россия» (94%) и «Справедливая Россия» (93%). Меньшая доля опрошенных, хотя все же абсолютное большинство — 64%, была согласна с мнением: «благополучие человека в большей мере зависит от него самого, чем от устройства общества и государственной политики» (сторонники партии «Единая Россия» согласны с этим в наивысшей степени — 78%, а электорат КПРФ менее других — 52%).

Большинство респондентов данного опроса (65%) полагает, что роль государства в общественных процессах должна возрасти, а 26% поддерживают уменьшение роли государства. Сильное государство в наибольшей мере одобряют сторонники партии «Единая Россия» (77%), а в наименьшей степени — сторонники партий непарламентской оппозиции (49%). 47% опрошенных считают, что необходимо подчинять личные интересы общественным, а 38% поставили личные интересы выше общественных².

Приоритетные цели государственного курса, по мнению респондентов ВЦИОМ, — это развитие медицины, образования, промышленности, строительство жилья, укрепление социальных гарантий. Вопрос о приоритетах государственной политики разделил опрошенных почти пополам. Среди респондентов 51% согласились с мнением «Россия должна быть великой державой, с мощными вооруженными силами и влиять на политические процессы в мире», а 41% — с мнением «первоочередным приоритетом страны должна быть забота о благосостоянии собственных граждан». В подвыборке сторонников «Единой России» поддерживают цели достижения статуса великой державы 66%, а в подвыборке сторонников несистемной оппозиции — лишь 33%³.

В ходе другого опроса ВЦИОМ (апрель 2022 г.) 76% респондентов заявили, что ценности России сильно отличаются от ценностей Запада. 73% считают, что западная модель ценностей неприменима для российского общества. До 61% опрошенных сказали, что российское общество является более справедливым по сравнению с западным. 42% респондентов убеждены, что Запад несет угрозу России на ценностном уровне. При этом 89% опрошенных считают, что следует жить по своим правилам, и только 3% полагают, что надо жить по правилам Запада⁴.

В масштабе всей России в 2010–2022 гг. отмечается неуклонный рост распространения национальной идентичности, что фиксируют неоднократные опросы. По данным исследования Института комплексных социальных исследований в 2015 г. под руководством Л. М. Дробизевой, 75% респондентов назвали себя гражданами России; в 2017 г. их удельный вес вырос до 92%. За то же время, доля опрошенных, определявших себя как представителей своей национальности, возросла с 76 до 88%; по 89% в 2015 и 2017 гг. считали себя жителями своего города или села [31, с. 107]. То есть российская идентичность не исключительна, а сочетается с широ-

¹ Государство и общество: цели, приоритеты, императивы // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy> (дата обращения: 20.06.2022).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Жизнь по своим правилам // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-po-svoim-pravilam> (дата обращения: 20.06.2022).

ким распространением этнических и территориальных форм самосознания. Опросы 2015 г., цитируемые М.К. Горшковым, дали уровень — 74% русских и 68% представителей других народов, назвавших себя «мы — граждане России» [5, с. 22]. В обновленной редакции «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утверждена Указом Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703) было упомянуто, что 78,4% опрошенных позитивно оценивают состояние межнациональных отношений, 93% не испытывают дискриминации на основе своей этнической, языковой и конфессиональной самооценки. Степень признания своей российской идентичности достигла 84%¹. В октябре 2020 г. руководитель ФАДН И. Баринов сообщил об уровне признания национальной идентичности жителями России — 91%².

В то же время уровень российской идентичности неравномерно распределяется по субъектам федерации в зависимости от этнического и конфессионального, языкового факторов. В наибольшей мере считают себя российскими гражданами жители Центральной России и горожане; в относительно меньшей — жители республик Северного Кавказа и сельские жители [17, с. 41]. Отмечаются значительные колебания уровня российской идентичности и в сравнении возрастных групп, причем самая проблемная группа — молодежь, социализация которой пришлось на период неопределенности идейных ориентиров развития. Методологически важно, что смысл социокультурной интеграции — не только признание жителями страны себя в первую очередь российскими гражданами, но и, в гораздо большей степени, добровольная поддержка ценностей российской цивилизации. В.А. Авксентьев справедливо подчеркивает: целью политики идентичности должно быть осознанное и прочное самоотнесение индивида к российской цивилизации, а не только признание выгод своего гражданства [21, с. 104–109]. Обнадешивает, что при опросе ФОМ (27–28 мая 2022 г., 1500 чел. в 53 регионах) 85% респондентов назвали себя патриотами России³.

В данном контексте Украина воспринимается большинством россиян как страна второго порядка в сравнении со странами Запада и Китаем, менее привлекательная и менее известная, чем страны Европейского союза, прозападная [7, с. 188]. Но, несмотря на длительный конфликт, большинство россиян в декабре 2021 г. (опрос ВЦИОМ) продолжали считать Украину братской страной (29%) или соседкой (26%). По 12% считали Украину дружественной либо источником угрозы. Только 9% называли Украину враждебной, 4% — стратегическим партнером и 1% — конкурентом⁴. Образ украинского государства значительно негативнее, чем образ украинцев. Так, при телефонном опросе «ВЦИОМ-Спутник» 16 апреля 2022 г. (выборка 1600 чел., погрешность не более 2,5%) 70% респондентов полагали, что органы власти Украины поддерживают нацистские организации, угрожающие России⁵.

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в ред. Указа Президента РФ от 06.12.2018 № 703) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/ (дата обращения: 30.03.2022).

² Показатель гражданской идентичности у россиян на уровне 91% // Выбор народа: сетевое издание [Электронный ресурс]. URL: <http://vybor-naroda.org/lentanovostey/180573-pokazatel-grazhdanskoj-identichnosti-u-rossijan-na-urovne-91.html> (дата обращения: 30.03.2022).

³ Патриотизм и патриоты. Кто (не) может считаться патриотом // ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14733> (дата обращения: 20.06.2022).

⁴ Украина и украинцы: братья, враги или просто соседи? // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ukraina-i-ukraincy-bratja-vragi-ili-prosto-sosedi> (дата обращения: 20.06.2022).

⁵ Денацификация Украины. Нацизм на Украине — не выдумка и не фейк, а реальность, считает большинство опрошенных россиян // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/denacifikacija-ukrainy> (дата обращения: 20.06.2022).

В этом контексте особый интерес представляет уровень социокультурной интеграции Крыма в российское общество, поскольку Крым и Донбасс выступают в роли перекрестных геополитических полей конкуренции между Россией и Западом. Судя по анкетному опросу, проведенному специалистами Кубанского государственного университета с участием автора летом 2019 г., молодые респонденты 16–35 лет в Республике Крым и г. Севастополе считают частоту своих межэтнических и межконфессиональных контактов высокой [9, с. 87–88]. Образ партнеров межэтнического общения наделяется в основном положительными чертами (они не конфликтуют с другими народами, знают российские законы, а также уважают языки, традиции и культуру других народов). В то же время, признание отсутствия конфликтов в отношении этнических русских находилось на уровне 76,5%, в отношении украинцев — 60,6% и в отношении крымских татар — 41,3%, что свидетельствует об асимметрии взаимных восприятий и степени интегрированности народов Крыма в полиэтническое сообщество [9, с. 91].

Опрос, проведенный О. В. Кульбачевской в 2019 г., показал, что 90% респондентов всех возрастов в Республике Крым оценивали межэтнические отношения как спокойные и 78% — как стабильные; лишь 3% полагали, что данные отношения ухудшаются [10, с. 114–115]. Такие оценки основаны на положительном восприятии воссоединения с Россией. При опросах ВЦИОМ 2020 и 2021 гг. 93% крымчан одобрили воссоединение¹. Со своей стороны, население всей России тоже сохраняет весомую поддержку воссоединения Крыма. Опрос Фонда «Общественное мнение» (4–6 марта 2022 г., выборка 1500 чел., погрешность не выше 3,6%) подтвердил, что 81% респондентов с различной степенью категоричности положительно воспринимает воссоединение, а 8% — с разной степенью отрицательно². Воссоединение Крыма поддерживают сторонники всех идейных направлений, кроме либералов [4, с. 67].

Географическая неравномерность напряженности в Крыму доказана в работе А. Н. Яковлева, который картографировал сведения о межконфессиональных конфликтах и доказал повышенную конфликтность в степных и предгорных районах Крыма [28, с. 316–318]. Асимметрия межэтнических дистанций смягчается распространением дружеских отношений между представителями различных народов. Т. В. Милюкова провела опрос 253 чел., установив, что не менее 69% русских респондентов имеет друзей-крымских татар. Лишь 3–5% опрошенных испытывают неудобства из-за этничности друзей. Свыше 70% респондентов в каждой из подвыборок полагают, что их этническая группа не влияет на дружеские отношения и они свободны в выборе друзей [13, с. 271–274].

Анкетные опросы студенческой молодежи Крыма 17–25 лет, проведенные Е. В. Бродовской, А. А. Ирхиным, Л. П. Нелиной, О. В. Ярмач и др., подтвердили средний уровень распространения российской идентичности. Назвали себя в первую очередь гражданами Российской Федерации 48,3% опрошенных, жителями Крыма — 40,3%, жителями города или села — 20,0%, верующими — 10,6%, людьми своей национальности — 9,7%. Российская идентичность вышла на первое место у 54% опрошенных русских, 37% крымских татар и 27% украинцев [3, с. 27, 30]. По выводам О. В. Кульбачевской [10, с. 115–117], Э. С. Муратовой и др. [15, с. 179–182], различия объясняются высоким уровнем урбанизации русских и относительно сниженным — украинцев и крымских

¹ Опрос показал, как крымчане оценивают присоединение к России // Информационное агентство РИА-Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200318/1568774660.html> (дата обращения: 30.05.2022); Качество жизни в Крыму — 2021 // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kachestvo-zhizni-v-krymu-2021> (дата обращения: 30.05.2022).

² Крым: восьмая годовщина. Отношение к присоединению Крыма // Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Politika/14699> (дата обращения: 30.05.2022).

татар; неравной степенью вовлеченности в политические практики. Исследование О. В. Кульбачевской дало более высокий уровень признания российской идентичности (67%), еще 20% респондентов проявили двойную (российскую и региональную) идентичность [10, с. 113–114]. Крымская региональная идентичность имеет разные смыслы в восприятии основных народов полуострова: для русских она «подкрепляет» государственную приверженность, а для украинцев и крымских татар — конкурирует с нею.

Важным фактором межэтнических отношений в Крыму является многоязычие. По данным опроса О. В. Кульбачевской, 80% опрошенных назвали родным языком русский, а 16% — два языка. Полноценное владение русским языком характерно для всех респондентов, украинским — для 65%, а крымскотатарским — для 6%. Существующий статус трех языков в качестве государственных одобрили 81% респондентов. Полагали, что в школах должен изучаться русский язык, 89%, а только иные языки — 3% [10, с. 112].

Представляет нарастающий интерес оценка взаимных восприятий россиян и жителей Донбасса. Сообщество граждан ДНР и ЛНР сплочено вокруг идей интеграции с Россией. Так, опрос 5900 чел., проведенный Социологическим центром «Особый статус» в августе 2015 г., доказал, что 40% жителей ДНР выступали за воссоединение с Россией, 18% — за создание союзного государства РФ и ДНР, 17% — за независимое существование и лишь 11% — за возврат в состав Украины¹. Исследование украинского интернет-издания «Зеркало недели» в ноябре 2019 г. подтвердило, что 64,3% жителей ДНР и ЛНР желали вхождения своих республик в состав России, 16,2% выступали за независимость и лишь 18,5% поддержали бы возвращение в состав Украины (с особым повышенным статусом)². Близкие результаты дал телефонный опрос 1000 респондентов в ДНР и ЛНР, организованный Дж. О'Лафлином, Г. Сассе, Дж. Тоулом и Г. Бакке в сентябре — октябре 2020 г. В наибольшей степени поддерживают интеграцию с Россией молодые жители Донбасса и этнические русские³. Массовый опрос, проведенный в декабре 2018 г. интернет-порталом DNR LIVE в г. Донецке, подтвердил, что 89,1% респондентов хотели получить российское гражданство и лишь 3,5% — не хотели⁴.

ВЦИОМ 23 февраля 2022 г. провел телефонный опрос 1600 россиян старше 18 лет (погрешность не более 2,5%), установив, что 73% респондентов поддержали решение Президента России В. В. Путина о признании независимости ДНР и ЛНР, 16% не поддержали, а 11% затруднились с ответом. Поддержка договоров РФ с республиками Донбасса — еще выше⁵.

Специальная военная операция (СВО) на Украине стала катализатором важных изменений в общественном мнении. В конце февраля 2022 г., по данным ВЦИОМ,

¹ Более 40% жителей ДНР высказались за присоединение к России — соцопрос // Донецкое агентство новостей [Электронный ресурс]. URL: <http://dan-news.info/obschestvo/bolee-40-zhitelej-dnr-vyskazalis-za-prisoedinenie-k-rossii-socopros.html> (дата обращения: 03.03.2022).

² Мардан С. Результаты опроса жителей Донбасса повергли Киев в шок // РИА-Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20191112/1560806939.html> (дата обращения: 20.06.2022).

³ O'Loughlin J., Sasse G., Toal G., Bakke K. M. A New Survey of the Ukraine-Russia Conflict Finds Deeply Divided Views in the Contested Donbas Region. Many in the Breakaway Territory See a Future with Russia // The Washington Post [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2021/02/12/new-survey-ukraine-russia-conflict-finds-deeply-divided-views-contested-donbas-region/> (дата обращения: 20.06.2022).

⁴ Опрос: сколько жителей ДНР хотят получить гражданство России // Русская весна: сетевое издание [Электронный ресурс]. URL: <http://rusvesna.su/news/1547791128> (дата обращения: 03.03.2022).

⁵ Признание Донбасса: данные первого опроса // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/priznanie-donbassa-dannye-pervogo-oprosa> (дата обращения: 03.03.2022).

68% респондентов «скорее поддерживали» СВО, а 22% — «скорее не поддерживали» ее¹. Уровень поддержки СВО остается устойчивым; при аналогичном опросе ВЦИОМ 12 июня 2022 г. поддерживали СВО 73%, не поддерживали 19%, а затруднились ответить 11%². При этом 61% полагают, что СВО спланирует российское общество, а 20% придерживается противоположного мнения (опрос ВЦИОМ 19–20 апреля 2022 г.)³.

Выводы о преимущественной поддержке россиянами спецоперации подтверждают и другие социологические центры. При опросе Фонда «Общественное мнение» 18–20 марта 2022 г. (в 53 субъектах РФ, 1500 респондентов, погрешность не выше 3,6%) очевидно различие уровня поддержки СВО между теми, кто узнают новости в традиционных СМИ (они поддерживали СВО на уровне 83%) и узнающими новости в Интернете — 60%. Четко видна и зависимость поддержки СВО от размеров населенных пунктов⁴. По опросу службы «Russian Field» (опрос 11–14 марта 2022 г.), СВО одобряли 54% москвичей, 18% поддерживали частично, а 23% не поддерживали. Очевидны значительные возрастные различия в отношении к военным событиям. В числе опрошенных в возрасте 18–29 лет СВО одобряли 31%, нейтральны 24%, негативно относились 39%⁵. Итак, целевыми аудиториями корректировки идентичности выступают жители крупных городов и молодежь.

Обсуждение

Важным аспектом влияния Украинского кризиса 2013–2022 гг. на российское общество стала значительная корректировка программ исторического образования и контента СМИ, что повлекло за собой изменения способов аргументации своей идентификации. Стала более активно проводиться политика идентичности, направленная на воспитание гражданского патриотизма, на принципиальное неприятие идей нацизма и агрессивного этнонационализма.

Среди направлений такой политики отметим:

- формирование чувства уважения и гордости к историческому героическому прошлому, сохранение памяти о подвигах защитников Родины;
- создание возможностей активного вовлечения граждан в решение задач развития общества;
- формирование чувства гордости и почитания символов государства: флага, герба, гимна, исторических памятников;
- популяризация подвигов, достижений и успехов личностей, формирующих положительный образ страны;
- сотрудничество образовательных учреждений, общественных организаций, учреждений науки и культуры в сфере воспитания патриотизма граждан.

Близкая по направленности политика идентичности проводится в республиках Донбасса. Так, действует Республиканская программа патриотического воспитания граждан Донецкой Народной Республики на 2020–2022 годы, принятая постанов-

¹ Большинство россиян поддерживают военную операцию в Украине: ВЦИОМ // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/society/50250645/> (дата обращения: 20.06.2022).

² Специальная военная операция: мониторинг // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-monitoring-20223006> (дата обращения: 01.07.2022).

³ Жизнь по своим правилам...

⁴ Украина. Опрос 20 марта. Представления о целях России на Украине // Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Politika/14706> (дата обращения: 23.04.2022).

⁵ Винокуров А. Трудно найти, легко потерять. Удастся ли власти сохранить новый «донбасский» консенсус в обществе // Коммерсант: газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5292448> (дата обращения: 20.06.2022).

лением Правительства ДНР от 30 апреля 2020 г. № 22-3¹. В программе ставится цель создать условия повышения гражданской ответственности в обществе, воспитать гражданина, любящего Родину, имеющего активную жизненную позицию. Большое внимание уделяется разоблачению идеологии украинского национализма. В том числе речь идет о деконструкции следующих мифов:

- о древности украинского государства (его существования с античности, реально же украинское государство сформировалось только в декабре 1991 г.);
- об «украинизации» единой истории русского, украинского и белорусского народов;
- об якобы проявлявшейся вечной вражде между украинцами и русскими и фальсифицированных исторических примерах их конфликта;
- о возвеличении Украинской повстанческой армии (УПА)² и ее главарей (Нюрнбергский трибунал признал УПА нацистской организацией, подлежащей запрету);
- об украинском языке как единственном государственном на Украине.

Опровержение мифов потребовало от историков и органов власти организовать издание учебников и популярной литературы, излагающих историю и современность Донбасса в контексте общероссийской истории и восточнославянского единства. Донбасс осмысливается как «малая Родина», регион яркого проявления единой православной цивилизации. Эта установка политики приносит ощутимые результаты. Согласно итогам социологических опросов, проведенных Донецким национальным университетом (выборка 800 чел., погрешность не более 5%), удельный вес жителей г. Донецка, назвавших себя украинцами, снизился с 40 до 21% за апрель 2014 — май 2016 гг., а процент русских по самооценке вырос с 33 до 60% [27]. Это кардинальные изменения идентичности.

Заключение

Результаты исследования обосновывают новое понимание социокультурной интеграции российского полиэтничного общества. Установлены изменения представлений россиян на протяжении 2000–2021 гг. о целях общественного развития и базовых ценностях, о соотношении государства и общества, о желательных целях государственной политики идентичности. Данные изменения развиваются в направлении консервативных ценностей, признания самостоятельности российского общества от Запада, но парадоксально сочетаются с сохранением ряда либеральных ценностей и ориентаций. Установлены различия состояния идентичности между возрастными и территориальными группами российского общества. В данном контексте важны представления жителей Республики Крым и г. Севастополя, как и Донбасса, о своей идентичности, подтверждающие повышенный консерватизм и россиецентричность в сравнении со столичными мегаполисами России. Украина как таковая находится на периферии геополитической картины мира россиян, вместе с тем она выступает контрастным «другим» — негативным примером последствий выбора западного пути развития. Специальная военная операция 2022 г. стала катализатором ценностных изменений, назревавших в России в течение длительного времени. Российская политика идентичности под влиянием Украинского кризиса становится в большей мере, чем раньше, нацеленной на формирование российской полиэтничной нации, на укрепление и интеграцию государства, воспитание положительного восприятия истории.

¹ Республиканская программа патриотического воспитания граждан Донецкой Народной Республики на 2020–2022 годы: Постановление Правительства ДНР от 30 апреля 2020 г. № 22-3 // Правительство Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://pravdnr.ru/wp-content/uploads/2020/05/postanovlenie-22-3.pdf> (дата обращения: 12.04.2022).

² Украинская повстанческая армия (УПА) — запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

Но эти изменения недостаточно закреплены в политике идентичности, новые тенденции противоречат былому курсу на социокультурную интеграцию России в глобализуемый мир посредством вестернизации. Необходимо реформировать государственную политику идентичности, законодательно закрепив ее принципы, направления и меры. Государственное финансирование должны получать только патриотически направленные информационные, образовательные и музейные программы. Целесообразно создать Институт исторической памяти, активизировать общественные организации и экспертные сообщества, решительно пресекая фальсификацию российской истории и пропаганду антироссийских воззрений. Основные усилия полезно сосредоточить на создании патриотических интернет-ресурсов и социальных сетей. В системе среднего и высшего образования назрел возврат к обязательному преподаванию истории России в значительно увеличенном объеме и с патриотических позиций.

Литература

1. Ачкасов В. А. Российская дилемма: империя или нация-государство. М. : Юрайт, 2019.
2. Баранов А. В., Донцова М. В., Чигрин В. А. Ориентации и установки восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений работающей молодежью Кубани и Крыма // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 5. Ч. 2. С. 41–51.
3. Бродовская Е. В., Ирхин А. А., Канах А. М., Карзубов Д. Н. и др. Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития. Севастополь : Севастопольский государственный университет, 2019.
4. Бызов Л. Г. Украинский кризис в контексте социально-политических и социокультурных процессов, формирующих массовое сознание россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1 (9). С. 52–77.
5. Горшков М. К. О гармонизации межэтнических отношений в пореформенной России: контекстуальный подход // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 2. С. 14–25.
6. Дробичева Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100–115.
7. Евгеньева Т. В., Смутькина Н. В., Цымбал И. А. Место России в мире в восприятии рядовых граждан: идентификационное измерение // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 181–191.
8. Константинова Л. В. Интеграционный потенциал общества: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 19–29.
9. Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов / И. В. Юрченко, А. В. Баранов, Н. Н. Юрченко, М. В. Донцова. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2019.
10. Кульбачевская О. В. Этносоциальная ситуация и межэтнические отношения в Крыму // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 114–115.
11. Лубский А. В., Посухова О. Ю. Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России // Власть. 2016. Т. 24. № 8. С. 39–48.
12. Мاستикова Н. С. Ценности россиян и жителей европейских стран-лидеров (по данным Европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 6 (118). С. 148–156.
13. Милукова Т. В. Напряженность в межэтнической дружбе представителей русского и крымско-татарского этносов в Крыму // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2020. № 1. С. 271–274.
14. Миненков Г. Я. Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории // Политическая наука: Идентичность как фактор политики и предмет политической науки. М. : Аспект Пресс, 2005. С. 21–38.
15. Муратова Э. С., Дюльберова Л. Я., Апселямова А. И. Крымские татары в условиях трансформации политического пространства. Симферополь : ИТ АРИАЛ, 2020.
16. Мchedлова М. М., Казаринова Д. Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. № 4. С. 13–35.
17. Общероссийская гражданская идентичность на Юге России. Анализ мер и предложения по Южному федеральному округу и Северному Кавказу: аналитический доклад / науч. ред. И. И. Горлова. М. : Институт Наследия, 2020.

18. *Пантин В. И.* Перспективы социально-политической и экономической интеграции России // Россия реформирующаяся. 2013. № 12. С. 400–408.
19. *Попов М. Е.* Политика социокультурной интеграции: основные теоретические подходы // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 99–115.
20. *Попова О. В.* О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4. С. 86–110.
21. Российская идентичность и политика идентичности: конструкция и деконструкция / *В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, В. А. Васильченко, Г. С. Денисова.* Ставрополь : Изд-во Северо-Кавказского федерального университета, 2018.
22. *Савин С. Д., Касабуцкая М. С.* Общациональные российские ценности в контексте формирования коллективной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 82–97.
23. *Савченко И. А.* Многоэтническое сообщество в поисках маршрута интеграции. М. : ИЦ РИОР; ИНФРА-М, 2019.
24. *Семененко И. С.* Политика идентичности в условиях этнокультурного многообразия: новая повестка дня // Идентичность: личность, общество, политика. М. : Весь Мир, 2017. С. 102–113.
25. *Сикевич З. В.* Русские, украинцы, белорусы: вместе или врозь? (динамика представлений петербуржцев, 2006–2016 гг.) // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 88–98.
26. *Тишков В. А.* Нация, национализм и нациестроительство // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2.
27. *Черкашин К. В.* Жители Донецка все чаще самоопределяются как русские. Динамика этнической самоидентификации жителей Донбасса (2014–2016) [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/society/2240754.html> (дата обращения: 20.04.2022).
28. *Яковлев А. Н.* Картографическое изучение динамики этноконфессиональных противоречий в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6 (16). Вып. 3. С. 316–318.
29. *Berger P. L., Luckmann T.* The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge. New York : Anchor Books: A Division of Random House, Inc., 1966.
30. *Brewer P. R., Gross K., Aday S., Wilnat L.* International Trust and Public Opinion about World Affairs // American Journal of Political Science. 2004. Vol. 48. N 1. P. 93–109.
31. *Castells M.* The Power of Identity. Cambridge : John Wiley & Sons, 1997.
32. *Fearon J., Laitin D.* Explaining Interethnic Cooperation // The American Political Science Review. 1996. Vol. 90. N 4. P. 57–74.
33. *Gillin J. P.* Some Principles of Sociocultural Integration // Current Anthropology. 1971. Vol. 12. N 1. P. 63–71.
34. *Habermas J.* Autonomy and Solidarity: Interviews. London : Verso, 1986.
35. *Hobsbaum E. J.* Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge : Cambridge University Press, 1992.
36. *Huntington S. P.* Who are We?: Challenges of American National Identity. New York : Simon & Schuster, 2005.
37. *Kolsto P.* Political Construction Sites: Nation Building in Russia and the Post-Soviet States. New York : Routledge, 2018.
38. *Makarychev A., Yatsyk A.* Sovereignty and Russian National Identity-Making: The Biopolitical Dimension // Russia Before and After Crimea: Nationalism and Identity, 2010–17. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2018. P. 93–118.
39. *McCrone D., Bechhofer F.* Understanding National Identity. Cambridge : Cambridge University Press, 2015.
40. *Parsons T.* The Social System. London : Routledge, 1991.
41. *Samiul Parvez A., Sarwar Uddin A., Ikramul H.* Transformation of Sociocultural Integration Policy and Inherent Political Theories in the United Kingdom: A Way Forward // SAGE Open. 2021. April — June. P. 1–14 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/21582440211007461> (дата обращения: 20.06.2022).
42. *Shils E.* Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago : University of Chicago Press, 1975.
43. *Steward J. H.* Levels of Sociocultural Integration: An Operational Concept // Journal of Anthropological Research. 1986. Vol. 42. N 3. P. 337–353.
44. *Weiner S., Stone Tatum D.* Rethinking Identity in Political Science // Political Studies Review. 2020. Vol. 19. Is. 3. P. 464–481.

Об авторе:

Баранов Андрей Владимирович, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (Краснодар, Российская Федерация), доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор; baranovandrew@mail.ru

References

1. Achkasov V.A. Russian dilemma: empire or nation-state. M. : Yurayt Publ., 2019 (in Rus).
2. Baranov A.V., Dontsova M.V., Chigrin V.A. Orientations and attitudes of perception of interethnic and interfaith relations by working youth of the Kuban and Crimea // Historical and socio-educational thought [Istoricheskaja i sotsial'no-obrazovatel'naja mysl']. 2018. Vol. 10. N 5. P. 2. P. 41–51 (in Rus).
3. Brodovskaya E.V., Irkhin A.A., Kanakh A.M., Karzubov D.N. et al. Interethnic and interreligious harmony in the student environment of the Crimea and Sevastopol: monitoring and analysis of the level of development. Sevastopol : Sevastopol State University, 2019 (in Rus).
4. Byzov L.G. Ukrainian Crisis in the Context of Socio-Political and Socio-Cultural Processes Forming the Mass Consciousness of Russians // Sociological Science and Social Practice [Sotsiologicheskaja nauka i sotsial'naja praktika]. 2015. N 1 (9). P. 52–77 (in Rus).
5. Gorshkov M.K. On the harmonization of interethnic relations in post-reform Russia: a contextual approach // Humanitarian of the South of Russia [Gumanitarij Juga Rossii]. 2017. Vol. 6. N 2. P. 14–25 (in Rus).
6. Drobizheva L.M. Russian Identity: Discussions in the Political Space and the Dynamics of Mass Consciousness // Polis. Political studies [Polis. Politicheskie issledovanija]. 2018. N 5. P. 100–115 (in Rus).
7. Evgenyeva T.V., Smulkina N.V., Tsymbal I.A. The place of Russia in the world in the perception of ordinary citizens: an identification dimension // Polis. Political studies [Polis. Politicheskie issledovanija]. 2020. N 4. P. 181–191 (in Rus).
8. Konstantinova L.V. The integration potential of society: the experience of conceptualization // Sociological researches [Sociologicheskie issledovanija]. 2019. N 8. P. 19–29 (in Rus).
9. Conflict and integration factors in the development of the human potential of the South of Russia in the context of new geopolitical challenges / I.V. Yurchenko, A.V. Baranov, N.N. Yurchenko, M.V. Dontsova. Krasnodar : Kuban State University, 2019 (in Rus).
10. Kulbachevskaya O.V. Ethno-social situation and inter-ethnic relations in the Crimea // Bulletin of Anthropology [Vestnik antropologii]. 2019. N 4 (48). P. 114–115 (in Rus).
11. Lubsky A.V., Posukhova O.Yu. Nation-building projects and models of national integration in Russia // Power [Vlast']. 2016. Vol. 24. N 8. P. 39–48 (in Rus).
12. Mastikova N.S. Values of Russians and Residents of European Leading Countries (according to the European Social Survey) // Public opinion monitoring: economic and social changes [Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]. 2013. N 6 (118). P. 148–156 (in Rus).
13. Milyukova T.V. Tension in the interethnic friendship of representatives of the Russian and Crimean Tatar ethnic groups in the Crimea // Psychology and Pedagogy in the Crimea: ways of development [Psichologija i pedagogika v Krymu: puti razvitiya]. 2020. N 1. P. 271–274 (in Rus).
14. Minenkov G.Ya. Identity politics from the point of view of modern social theory // Political science: Identity as a factor of politics and the subject of political science. M. : Aspect Press, 2005. P. 21–38 (in Rus).
15. Muratova E.S., Dyulberova L.Ya., Apselyamova A.I. Crimean Tatars in the context of the transformation of the political space. Simferopol : IT ARIAL, 2020 (in Rus).
16. Mchedlova M.M., Kazarinova D.B. Identity politics: competition of new theoretical meanings and political strategies // Political Science [Politicheskaja nauka]. 2020. N 4. P. 13–35 (in Rus).
17. All-Russian civil identity in the South of Russia. Analysis of measures and proposals for the Southern Federal District and the North Caucasus: analytical report / ed. I.I. Gorlova. M. : Heritage Institute, 2020 (in Rus).
18. Pantin V.I. Prospects for the socio-political and economic integration of Russia // Reforming Russia [Rossija reformirujushhasja]. 2013. N 12. P. 400–408 (in Rus).
19. Popov M.E. Politics of socio-cultural integration: main theoretical approaches // Polis. Political studies [Polis. Politicheskie issledovanija]. 2017. N 1. P. 99–115 (in Rus).
20. Popova O.V. On unresolved problems of the theory of state policy of identity in Russian political science // Political Science [Politicheskaja nauka]. 2020. N 4. P. 86–110 (in Rus).

21. Russian identity and identity politics: construction and de-construction / V.A. Avksentiev, B.V. Aksyumov, V.A. Vasilchenko, G.S. Denisov. Stavropol : North Caucasian Federal University, 2018 (in Rus).
22. Savin S. D., Kasabutskaya M. S. National Russian values in the context of the formation of a collective identity // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologija]. 2019. Vol. 12. Is. 1. P. 82–97 (in Rus).
23. Savchenko I. A. A multi-ethnic community in search of an integration route. M. : ITS RIOR; INFRA-M, 2019 (in Rus).
24. Semenenko I. S. Identity politics in the conditions of ethno-cultural diversity: a new agenda // Identity: personality, society, politics. M. : Ves Mir, 2017. P. 102–113 (in Rus).
25. Sikevich Z. V. Russians, Ukrainians, Belarusians: together or apart? (dynamics of representations of Petersburgers, 2006–2016) // Sociological researches [Sociologicheskie issledovaniya]. 2017. N 7. P. 88–98 (in Rus).
26. Tishkov V. A. Nation, nationalism and nation-building // Russia in global politics [Rossija v global'noj politike]. 2021. Vol. 19. N 2 (in Rus).
27. Cherkashin K. V. Residents of Donetsk are increasingly self-identifying as Russians. Dynamics of ethnic self-identification of Donbass residents (2014–2016) [Electronic source]. URL: <https://regnum.ru/news/society/2240754.html> (accessed: 20.04.2022) (in Rus).
28. Yakovlev A. N. Cartographic study of the dynamics of ethno-confessional contradictions in the Crimea // Geopolitics and ecogeodynamics of regions [Geopolitika i ekogeodinamika regionov]. 2020. Vol. 6 (16). Is. 3. P. 316–318 (in Rus).
29. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge. New York : Anchor Books: A Division of Random House, Inc., 1966.
30. Brewer P. R., Gross K., Aday S., Wilnat L. International Trust and Public Opinion about World Affairs // American Journal of Political Science. 2004. Vol. 48. N 1. P. 93–109.
31. Castells M. The Power of Identity. Cambridge : John Wiley & Sons, 1997.
32. Fearon J., Laitin D. Explaining Interethnic Cooperation // The American Political Science Review. 1996. Vol. 90. N 4. P. 57–74.
33. Gillin J. P. Some Principles of Sociocultural Integration // Current Anthropology. 1971. Vol. 12. N 1. P. 63–71.
34. Habermas J. Autonomy and Solidarity: Interviews. London : Verso, 1986.
35. Hobsbaum E. J. Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge : Cambridge University Press, 1992.
36. Huntington S. P. Who are We?: Challenges of American National Identity. New York : Simon & Schuster, 2005.
37. Kolsto P. Political Construction Sites: Nation Building in Russia and the Post-Soviet States. New York : Routledge, 2018.
38. Makarychev A., Yatsyk A. Sovereignty and Russian National Identity-Making: The Biopolitical Dimension // Russia Before and After Crimea: Nationalism and Identity, 2010–17. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2018. P. 93–118.
39. McCrone D., Bechhofer F. Understanding National Identity. Cambridge : Cambridge University Press, 2015.
40. Parsons T. The Social System. London : Routledge, 1991.
41. Samiul Parvez A., Sarwar Uddin A., Ikramul H. Transformation of Sociocultural Integration Policy and Inherent Political Theories in the United Kingdom: A Way Forward // SAGE Open. 2021. April — June. P. 1–14 [Electronic source]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/21582440211007461> (accessed: 20.06.2022).
42. Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago : University of Chicago Press, 1975.
43. Steward J. H. Levels of Sociocultural Integration: An Operational Concept // Journal of Anthropological Research. 1986. Vol. 42. N 3. P. 337–353.
44. Weiner S., Stone Tatum D. Rethinking Identity in Political Science // Political Studies Review. London, 2020. Vol. 19. Is. 3. P. 464–481.

About the author:

Andrey V. Baranov, Professor of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Doctor of Science (History), Professor; baranovandrew@mail.ru